

Заринэ Джандосова,
кандидат исторических наук

ЗАПАД НАСТУПАЕТ

С ЮГА И СЕВЕРА

Экспедиция против туркмен ахаль-теке. — Устройство железной дороги. Аппарат Нобеля, в лагерь генерала Анненкова.

(С наброска и фотографии нашего корреспондента, рисов. А. Вальдигер).

К последней четверти XIX века российско-английское противостояние на Среднем Востоке достигло апогея и чуть было не привело к военному конфликту между двумя могущественными державами.

Конечно, это было прямым следствием неуклонно нараставшей колониальной экспансии обоих государств, чье соперничество в регионе получило у историков название «Большая Игра».

С конца XVIII века Великобритания силами Ост-Индской компании начала активно наступать на индийские государства, лежавшие к юго-востоку от Афганистана. Движимые идеей «защиты» своих индийских владений, англичане продвигались все далее на северо-запад, к

богатствам Пенджаба и Кашмира, с дальним прицелом на Афганистан, Герат, Среднюю Азию. В страны Среднего Востока направлялись разведывательно-дипломатические миссии с особыми заданиями. Договором 1803 года была установлена граница между государством сикхов

и владениями Ост-Индской компании в Индии. В марте 1809 года, когда персы воевали с Россией в Закавказье, англичане подписали «предварительный» договор с Ираном, который давал им исключительные привилегии в этой стране. Наконец, **в июне того же 1809 года**

ХРОНИКА СОСЕДСТВА

1747—1818: на территории Афганистана существует централизованная Дурранийская держава — первое крупное государственное объединение пуштунских племен.

М. Эльфинстон заключил в Пешаваре с шахом Шуджа-ул-Мульком **первый англо-афганский договор**, формально носивший антинаполеоновский характер. Два следующих десятилетия прошли в накоплении военно-политических и этнографических сведений об Афганистане и Средней Азии. В 1832 году англичане, желая видеть на кабульском троне преданного им человека, материально поддержали попытку реставрации Дурранийской монархии, профинансировали так называемый «кандагарский поход» бывшего шаха Шуджа. Неудача сего предприятия не остановила британцев: они решили сделать

Генерал-адъютант В. А. Перовский.
Акварель В. Гау, 1841 г.

ставку на нового афганского лидера — Дост-Мухаммад-хана.

Что же касается русских, которые вплотную столкнулись с англичанами в дипломатических играх за влияние в Персии, то они хорошо представляли себе, насколько далеко могут зайти их опасные противники на Среднем Востоке. Причем предметом спора был не только огромный среднеазиатский рынок, но и стратегические пункты, подобные Герату — «ключу к Индии» (с другой стороны — «ключу к Каспию»). Осознание этого привело к усилению экспансии России в Центральной Азии.

Между тем афганский эмир Дост-Мухаммад-хан отнюдь не собирался становиться английской марионеткой. Когда в 1837 году в Кабул прибыл один за другим представитель Ост-Индской компании Александр Бернс (с группой энергичных помощников) и посланец оренбургского губернатора подпоручик Ян Виткевич, Дост-Мухаммад провел переговоры с обоими. В отличие от англичан, русский посол поддержал желание афганского эмира вернуть захваченный сикхами Пешавар. Это перевесило чашу весов в пользу России: эмир высказался за развитие дружеских отношений именно с русскими. Бернс оставил Кабул. Дост-Мухаммад проникся доверием к силе и могуществу Российского государства, и следствием этого была шумиха о «русской угрозе», поднятая английской прессой.

С 1835 года оренбургский губернатор В. А. Перовский готовил военную экспедицию против Хивы под лозунгом освобождения русских пленных. К началу 1839 года план экспедиции был готов, и дело оставалось за ее снаряжением. Одновременно в военном центре Британской Индии шла разработка плана британского вторжения в Афганистан. В 1839 году англичане ввели свои войска в Афганистан, свергли Дост-Мухаммада (который бежал в Бухару), возвели на кабульский престол внука Ахмад-шаха Дуррани Шуджа-ул-Мулька и направили агентов в Среднюю Азию. В задачу разведчиков входило распространение предназначенных для русских ушей слухов об исключительных успехах Великобритании в Афганистане. Слухи эти сыграли свою недобрую роль в ускорении экспедиции Перовского в Хиву: начавшийся в ноябре 1839 года, в неудобное зимнее время, поход через пустынный буранный Мангышлак провалился. Плачевно закончилась и первая война Британии с афганцами: в 1841 году почти все англичане, находившиеся в Кабуле (до 18 тысяч человек), были вырезаны. Английские разведчики Стодарт и Конноли были в 1842 году публично обезглавлены в Бухаре, а двое других — Аббот и Шекспир, избитые и изувеченные, еле спаслись бегством в Оренбург.

Россия же продолжала наступать: сначала дипломатическим путем, а затем перешла к «силовому методу». В 1853 году кокандскую крепость Ак-Мечеть на Сырдарье взял сам Перовский, отчего она и была переименована в форт Перовск (ныне Кзыл-Орда). С этого времени русская армия начала победоносное шествие по Средней Азии.

Границы английских колоний двигались навстречу, на север. Великобритания аннексировала Синд, Белуджистан (1843) и Пенджаб (1848), сокрушив сикхское государство. В отношении Афганистана почти три десятилетия применялась так называемая *политика отката* (*back-*

Генерал-адъютант К. П. Кауфман.

ward policy). Ее венцом стало заключение в 1855 году договора между Ост-Индской компанией и Дост-Мухаммад-ханом. Последний признал права англичан на Пешавар и обязался быть «другом их друзей и врагом их врагов».

Наступление русских в Средней Азии заставило Великобританию перейти к наступательной политике (*forward policy*). Это означало полный контроль над Афганистаном, строительство железных дорог и военных лагерей на подступах к нему, размещение английских консульств в стратегических пунктах — Балхе и Гера-

31 декабря 1800 (12 января 1801): российский император Павел I посылает 22 500 казаков под командованием генерала атамана Орлова на завоевание английских владений в Индии. Российская империя обретает новый вектор своей внешней политики — в глубь Средней Азии. (После гибели Павла I экспедицию отзывают обратно.)

те. В марте 1869 года англичане провели переговоры с афганским эмиром Шер Али-ханом, стремясь сделать его союзником своих планов. Но афганский эмир проявлял упорство и стремился отстоять внутреннюю независимость государства (даже в середине 70-х годов он отказывался принять британское посольство и вел переписку с туркестанским генерал-губернатором Константином фон Кауфманом).

Это время родило **мысль о создании буферной, нейтральной зоны между российскими владениями в Средней Азии и британскими в Индии**. В октябре 1869 года для обсуждения конфигурации будущей нейтральной зоны в Петербург прибыл английский дипломат Дуглас Форсайт. Российский МИД согласился **признать в качестве буферной зоны Афганистан**, а именно те земли, на которые распространялась «действительная власть» эмира Шер Али-хана. После долгих переговоров в 1872—1873 годах северная граница зоны была примерно определена: от озера Зоркуль до поста Ходжа-Салех она шла по Пянджу и Амударье; было установлено, что Ахчи, Сарыпуль, Меймене, Шибирган и Андой являются внутренними округами Афганистана.

Великобритания продолжала давить на эмира Шер Али-хана, требуя от него подчинения английскому влиянию. Но вместо этого летом 1878 года Шер Али-хан отказал в приеме английской дипломатической миссии и тайно принял российскую. Это послужило предлогом к новой войне англичан с афганцами (1878—1881). Англия, хотя и потерпела поражение в этой войне, все же сумела установить протекторат над Афганистаном, заключив **Гандамакский договор (1878)** и передав власть в стране **эмиру Абдуррахман-хану (1880)**. Поощряемый значительной денежной субсидией и британскими орденами, **Абдуррахман-хан согласился превратить Афганистан в закрытую страну, лишенную внешних контактов, — настоящий буфер, отделивший владения англичан в Индии от среднеазиатских владений России**.

Между тем Россия завершала завоевание Средней Азии. В 1882 году,

после кровавого штурма Геок-Тепе, был присоединен Ахалтекинский оазис. Естественным следствием Ахалтекинской экспедиции генерала М. Д. Скобелева стала аннексия Мерва (1884). Туркменская степь под названием Закаспийской области была непосредственно включена в состав Российской империи.

Присоединение Туркмении и выход к естественным границам — «краю» степи — рассматривались в России как возможность установить наконец твердые границы в Азии, закрепить за Российской империей восточный берег Каспийского моря и обеспечить мирную торговлю со Средней Азией.

Когда русские заняли Ахал-Теке, они столкнулись с проблемой туркменских аламанов («разбоев ради наживы»). Южные районы Туркмении — Мервский оазис и Серахс — были заняты именно под предлогом обеспечения российских владений и сообщений от разбоев туркмен: «Мервские хищники... вновь уверовали в недоступность для нас окружавших их степей, а следствием этого было возобновление их набегов...» Нападением туркмен на русских в значительной степени способствовала пропаганда английского агента Сиах-Пуша, прибывшего в эти края вскоре после взятия Геок-Тепе. Выдавая себя за лицо, облеченное духовной миссией, Сиах-Пуш внушал туркменам, что они не должны бояться русских и подчиняться им, и обещал им деньги, оружие и внешнюю помощь. В результате летом 1883 года в оазисе «воцарилось полное безначалие» и было получено известие, что из Мерва «по всем направлениям отправляются разбойничьи шайки». «Для вразумления туркмен» в сентябре был выдвинут в Атек небольшой отряд, а вслед за этим отправлен отряд полковника Муратова к Кары-Бенду на Теджене. Одновременно со значительным отрядом отправился в Мерв полковник Алиханов. Военная демонстрация русских действовала, и на *маслахате* (собрании ханов и старейшин родовых групп мервских текинцев) было решено окончательно принять русское подданство. Примеру мервцев вскоре последовали и туркмены-сарыки Иолотани.

Занятие Мерва, Иолотани и Серахса русскими ускорило решение вопроса о русско-афганском разграничении. В мае 1884 года между Российской и Британской империями была достигнута договоренность о создании двусторонней комиссии.

По вопросу выбора пункта для съезда Комиссаров возникли разногласия. Англичане предлагали двигаться на восток, русские считали более естественным идти в западном направлении. Англичане аргументировали свою точку зрения тем, что недавнее присоединение Мерва к России вызвало большую тревогу в самом Афганистане, а эта тревога может быть устранена только определением границы между Герирудом и Мургабом. В конце концов этот довод российской стороной был принят.

При определении границ, по мнению британской стороны, требовалось руководствоваться «политическими отношениями племен», населяющих подлежащее разграничению пространство, и, признав все законные права афганского эмира, не упускать из виду необходимости «низвести до крайних пределов возможность будущих осложнений».

Российские участники переговоров больше интересовались «этнографической» стороной вопроса. Все пространство на юг от Мерва до окраин Афганистана занято было племенем туркмен-сарыков, которые еще недавно находились во враждебных отношениях с мервцами, но со времени принятия последних в российское подданство стали обнаруживать «более мирные наклонности» и были готовы признать над собой власть России. Поэтому англичанам объявили: «Приняв на себя упрочение порядка в степях, Императорское правительство было бы лишено возможности довершить это трудное дело, если бы будущая демаркационная черта разделила сарыков на две части с подчинением одной из них Афганистану».

Таким образом, к осени 1884 года стало ясно, что главным препятствием на пути комиссии по разграничению является проблема сарыков, населяющих оазис Пенде, находящийся между реками Мургаб и Кушка и до того времени известный всему населению Средней

1867: образование Туркестанского генерал-губернаторства.

1868: взятие Самарканды, установление протектората России над Бухарским эмиратом.

1876: присоединение к России Кокандского ханства.

Азии лишь как родина страшной болезни — «пендинской язвы». Сарыкское население оазиса, по мнению русской стороны, всегда пользовалось полной независимостью, и только недостаток в Пенде пастбищ, а также неприязненные отношения к сарыкам текинцев Мерва вынуждали первых угонять часть своих стад в пограничные местности Афганистана, за что афганские власти взимали с них налог за пастьбу. В независимости Пенде имел случай лично убедиться посетивший эту местность в марте 1884 года русский инженер П. Лессар.

В то же время, по мнению английской разведки, оазис Пенде был частью Бадгиса, в принадлежности которого к афганскому государству не сомневался никто. Бадгис управлялся из Герата, а племена, кочевавшие в Пенде в течение последней четверти века, вполне признавали себя живущими на афганской территории и платили подати гератским властям. На этом основании англичане поддерживали права афганского эмира Абдурахман-хана на оазис Пенде, признавая их вполне законными, а меры по укреплению северо-западных афганских границ «вследствие приближения русского владычества» естественными.

Русская сторона продолжала утверждать, что Пендинский оазис никогда не был частью Бадгиса, а туркменское население его всегда пользовалось полной независимостью и прославилось набегами на соседние территории, в том числе на Хорасан. Из-за возникшей «проблемы Пенде» переговоры по разграничению застопорились.

Тут в Ашхабад, столицу Закаспийской области, стали доходить слухи о том, что в Герате идут приготовления с целью занять Пенде, и слухи эти не замедлили подтвердиться призывами английской прессы (газета «Таймс» от 9 июня 1884 года) занять спорный оазис и обеспечить его за собою постройкою сильной крепости. Российский статс-секретарь Гирс в ноте от 25 августа напомнил британскому послу Э. Торнтону о необходимости предупредить территориальные захваты афганских властей: «Императорский Кабинет считает долгом... выразить желание, чтобы эмиру Абдурахман-хану было

предложено отказаться от всяких попыток к расширению своих владений за счет местностей, населенных сарыками, которые никогда не были подданными Афганистана». Затем было получено известие, что оазис Пенде занят небольшим афганским гарнизоном. Это, во-первых, противоречило соглашению 1872—1873 годов о том, что территорией Афганистана считаются только земли, относящиеся к владениям эмира Шер Али-хана, и, во-вторых, нарушало этнографические условия, которые, по убеждению русских дипломатов, должны были служить единственным рациональным и прочным основанием разграничения.

Назначенный русским Комиссаром генерал-майор Зеленой вследствие болезни прибыл в Петербург лишь во второй половине сентября, посвятил некоторое время изучению вопроса и не смог приехать в Серахс к 26 октября, как было предвзвешено намерено. Английский Комиссар Лемден, прибыв на границу, узнал, что работа не может быть начата по причине неявки русского Комиссара и что переговоры отложены до весны 1885 года. Кроме того, российская сторона предлагала перенести место работы комиссии из Нового Серахса в Пул-и-Хатун и свести к минимуму численность состоящих при миссиях военных конвоев (английский конвой, прибывший из Кветты под командованием полковника Риджуэя, насчитывал около полутора тысяч человек). Посол Торнтон отклонил эти предложения.

Однако настоящей причиной задержки переговоров, формально связанных с определением зоны разграничения, была подготовка дальнейшего продвижения русских войск на юг, в Пендинский оазис. Российское правительство полагало, что без занятия Пенде Закаспийская область не будет гарантирована от агрессивных действий с афганской территории. Английские проекты границы обходили Пендинский оазис с севера; русский проект, подготовленный генерал-майором Зеленым, — с юга. Главный статс-секретарь по иностранным делам лорд Гранвилль заявил 23 декабря 1884 года, что, по мнению британского правительства, как Пенде, так и Пул-

и-Хатун принадлежат Афганистану. Противоречие казалось столь неразрешимым, что **Англия и Россия оказались на грани войны.**

24 декабря в Петербурге состоялось заседание особого совещания, которое решило предложить англичанам такую демаркационную линию, при которой оазис Пенде должен был остаться за Российской империей. Российское правительство полагало, что даже такая конфигурация границы будет уступкой англичанам, потому что «нормальной границей» Афганистана следует считать горную цепь, окаймляющую Гератскую долину с севера (хребет Па-рапамиз).

Ответ британской стороны был категоричен: Пенде составляет часть Бадгиса, а значит, Афганистана. Российские дипломаты приводили в ответ прежние доводы. Это вызвало раздражение англичан, так как нарушало равенство сторон (одна из них сочла себя вправе решать спор, не принимая во внимание возражения другой).

Ситуация осложнилась тем, что с конца октября 1884 года афганские военные разъезды появились в районе спорных территорий. Вышеупомянутое особое совещание пришлось к заключению о необходимости срочно занять русскими постами линию от Герируда до Даш-Кепри (Пул-и-Хишти, то есть «Кирпичный мост») и усилить состав войск Закаспийской области. Выполняя эту программу, 26 января 1885 года отряд текинской кавалерии под командованием поручика Лопатинского прибыл в Зульфагар, где был обнаружен афганский пост. Поручик Лопатинский проследовал далее к Ак-Рабату, где основал еще один российский пост из 12 милиционеров. 6 февраля начальник Мервского округа подполковник Алиханов занял с сотней туркмен Аймак-Джары, изгнав оттуда афганский пост (караул).

Наступление русских в направлении Пенде, вкуче с основанием русских постов на севере оазиса, крайне обеспокоило англичан. Находившийся в Пенде подполковник Риджуэй (командир английского военного конвоя) обратился к Алиханову с просьбой прислать к нему в Ак-Тепе русского офицера для переговоров. Алиханов отвечал так: «Мне приказа-

1885: переход в русское подданство туркмен Мервского оазиса. *Владения России вплотную приблизились к афганской территории.*

1838—1842; 1878—1880: англо-афганские войны. Безуспешная попытка Великобритании включить Афганистан в орбиту своей колониальной империи. Первая война завершилась поражением англичан, после второй им удалось навязать Афганистану лишь контроль за его внешней политикой.

но принять меры к тому, чтобы русские караулы занимали Аймак-Джары и чтобы ни один афганец не проникнул туда из Даш-Кепри. Вы сами царский слуга, и потому Вы, конечно, хорошо поймете, что мой долг заключается в выполнении данного мне приказа». Однако уже 8 февраля Алиханов «выступил из Аймак-Джары с сотнею временной милиции, прогнал афганцев и на их плечах прибыл к пункту Даш-Кепри» и в одной версте к северо-западу от моста, у так называемого Красного холма (Кызыл-Тепе), выставил пост из 30 милиционеров (иолотаньских сарыков). После этого сам Алиханов вернулся в Аймак-Джары, а пендинские сарыки с подачи своих соплеменников-милиционеров обратились с предложением к афганскому генералу, командиру гарнизона, добровольно оставить Пенде. Они мотивировали это тем, что пендинские сарыки «не желают делиться от своих братьев, иолотаньских сарыков, и испытать на себе геок-тепинские дни». Поскольку для российских караульных отрядов существовало предписание тщательно избегать столкновений с афганцами, они, вероятно, надеялись спровоцировать инцидент с афганскими пикетами, расположенными на левом берегу реки Кушка напротив моста, то есть вынудить афганцев совершить «неприятные действия против русских постов».

Происшедшее вызвало резко критичное обращение британского Комиссара Лемсдена к Алиханову с требованием воздержаться от действий, которые могут иметь последствием не только столкновение между Россией и Афганистаном, но и разрыв между Англией и Россией. Он писал: «Мне кажется невероятным, чтобы... Его Величество мог разрешить Вам в мирное время воевать с Афганистаном». Алиханов отвечал в свойственной ему краткой и выразительной манере: «Будете Вы довольны или нет, но мне приказано занять русскими войсками Даш-Кепри, и приказание это я выполняю... Я человек служивый, с политическими делами не знаком и потому не имею ничего иного сообщить Вам». В это время Алиханов находился со своим отрядом не в Даш-Кепри, а несколько севернее, в Кызыл-Тепе.

Англичане практически смирились с тем, что русские не оставят занятых позиций. Если в ноте от 8 февраля английский посол Э. Торнтон требовал отодвинуть русские посты на север, то в меморандуме от 20 февраля он уже просил сохранить *status quo* и сообщал, что его правительство «пригласило афганцев не нападать на русские войска с целью вытеснения их с занимаемых позиций». Де Гирс отвечал, что российское правительство согласно возобновить переговоры при условии, что афганцы «будут воздерживаться от наступательных действий», а также если в Пенде не возникнут беспорядки, которые потребуют вмешательства для предупреждения кровопролития. В то же время генерал-лейтенант Комаров, командующий войсками Закаспийской области, уже получил приказ занять Пенде, но «только в том случае, если местные сарыки сами изгонят афганцев и позовут русских».

13/25 марта Комаров разбил лагерь в 2 верстах от русского передового поста в Кызыл-Тепе, на расстоянии 4—5 верст от афганских постов на левом берегу Кушки. Афганцы были усилены отрядом кавалерии, отрядом пехоты и двумя пушками.

Находившийся в Пенде по распоряжению Лемсдена капитан Йэт получил накануне копию телеграммы от лорда Гранвилля. В ней сообщалось, что 5/17 марта между правительствами достигнута договоренность о том, что ни одна сторона не сделает ни шагу вперед с достигнутых на данный момент позиций. Теперь же Комаров обратился к нему с требованием «безотлагательно отодвинуть назад слишком выдвинувшиеся афганские посты». Йэт встретился с русским начальником штаба подполковником Закржевским, и тот выразил недоумение по поводу якобы достигнутого между правительствами соглашения о том, чтобы воздерживаться от наступлений. Он утверждал, что считает себя вправе отеснить афганские посты, «когда они окажутся неудобными для русских». В свою очередь афганцы продолжали рыть траншеи на левом берегу реки Кушки и выдвигали все дальше свои разъезды. При этом афганцы не упускали случая передать русским: «Убирайтесь отсюда, здесь

вам не мервцы; здесь вам не туркмены; здесь все афганцы; бивали мы не раз англичан и вас побьем, если не уйдете» (из рапорта генерала Комарова). Такие высказывания, как утверждал Комаров, вызвали возмущение среди русских солдат и туркмен (ханов, почетных людей и милиционеров). Страдало «русское обаяние» (то есть престиж Российской империи). В ответ на «дерзость и нахальство» афганцев русские послали 17/29 марта ультиматум афганскому генералу, наиб-салару Теймур-Шаху, требуя, чтобы все до одного афганские солдаты были возвращены на прежние позиции на правом берегу. Афганский генерал не ответил на письмо, но заявил бывшим в Пенде англичанам, что «Кирпичный мост» — это мост в рай, и поэтому афганцы будут сражаться до последней капли крови.

Холодным дождливым утром 18/30 марта 1885 года русские двинулись на афганские позиции, исполняя приказ генерала Комарова: первыми огонь не открывать. Только когда афганцы начали стрелять и ранили казачью лошадь, Алиханов объявил: «Кровь пролилась!» — и отдал приказ вести огонь. Афганский отряд регулярных войск силою в 4 000 человек при восьми орудиях, несмотря на отчаянное сопротивление, был разбит и рассеян, потерял до 500 человек убитыми. Две роты были истреблены до последнего человека в траншеях. Отступая за реку, афганцы должны были прыгать в воду и плыть; многие были убиты на переправе. В этом бою афганцы лишились всей артиллерии, двух знамен, лагеря, обоза и запасов. Оставшаяся часть кавалерии, обходя сарыкские аулы, отступила в Бала-Мургаб, увозя с собой английских офицеров, «руководивших действиями афганцев, но не принимавших участия в бое». Русские не стали их преследовать. Через несколько часов после боя Комаров отвел свои войска на левый берег реки Кушки, куда вскоре прибыла представительная делегация пендинских сарыков с изъявлениями покорности и преданности российской короне.

Британское правительство рассматривало случившееся нападение как страшный удар по своему

Март 1885: кризис в отношениях России с Англией, вызванный продвижением отрядов русских войск в направлении Афганистана (занятие Пянджа). Первое сражение с афганцами у Ак-Тепе.

престижу. Происшедший «инцидент» трактовался как следствие провокационных перемещений русских войск. Премьер-министр Гладстон потребовал от парламента 11 миллионов фунтов, сумму по тем временам очень большую, на военные приготовления (хотя об этом и не заявлялось открыто). Было объявлено, что следующий шаг, знаменующий собой российское продвижение к Герату, будет означать *casus belli**. В США газета «Нью-Йорк таймс» вышла с заголовком «Россия и Англия вступили в борьбу». Статья начиналась словами: «Это война».

К счастью, Гранвилль и де Гирс согласились, что следует продолжить переговоры в Лондоне и на это время из оазиса Пенде должны быть выведены **все** войска. Между петербургским и лондонским кабинетами было достигнуто соглашение, на основании которого Пендинский оазис был признан нейтральной территорией вплоть до окончания переговоров о границе. В конце концов англичане согласились с аннексией Пенде, поставив в качестве альтернативного условия сохранения за афганцами Зульфугарского прохода (русские не придавали Зульфугару того стратегического значения, что англичане). Таким образом был исчерпан инцидент, в котором русский генерал, жаждавший присоединить к России населенный туркменами-сарыками оазис, но не желавший ждать решения Комиссии по разграничению, атаковал доблестных, но плохо вооруженных афганцев. Возможно, тем самым он фактически предупредил войну между двумя державами.

По мнению Г. Дюранда, инцидент не перерос в долгую и тяжелую войну только потому, что афганский эмир в то время находился в Британской Индии и отнесся к известию о столкновении в Пенде крайне равнодушно («Потеря двухсот или даже двух тысяч солдат — пустяк, а смерть генерала — более чем пустяк», — будто бы сказал он).

В ноябре 1885 года новый английский Комиссар Риджуэй встретился с полковником Кюльбергом, новым русским Комиссаром,

* Официальный повод к объявлению войны.

в ущелье Зульфугар. Они установили **два первых пограничных столба.** Британские топографы произвели триангуляцию, которую русские в целом одобрили, хотя и старались захватить территорию, которая максимально приблизила бы их к Герату. Афганский представитель бился за пастбищные угодья Маручака и отстоял их.

Затем возникли серьезные спо-

В Лондоне Риджуэй обнаружил, что партия войны выступает против урегулирования, чем ставит предел наступательной политике. «Я был положительно шокирован, — писал он впоследствии, — когда, вернувшись в Англию из Санкт-Петербурга, обнаружил, что лорд Солсбери и его кабинет так безответственно относятся к этому вопросу. ...Они согласились продолжать переговоры,

Афганская семья.

ры по поводу Хамиаба на Амударье. Это произошло из-за того, что между комиссиями существовало соглашение о том, что конечным пунктом границы на Амударье будет Хаджа-Салех. Об этой переправе упоминали еще за 50 лет до соглашения, но она затем исчезла и была забыта. Риджуэй отождествил ее с переправой Ислам, расположенной в 14 милях выше Хамиаба, населенного афганцами, уже лет тридцать платившими налоги Афганистану. Изучив вопрос на месте, он вернулся в Англию и получил инструкции подписать карты и протокол до Дукчи, в 330 милях к востоку от Зульфугарского прохода, и оставить вопрос о переправе открытым для дальнейших переговоров между правительствами.

только когда я уверил их в том, что у императора было намерение прийти к урегулированию. Лорд Солсбери сказал: «Демаркация не стоит бумаги, на которой она произведена. Но раз уж вы начали дело, его следует довести до конца».

Несмотря на эти пессимистические слова, Риджуэй склонил русских к принятию в компенсацию за Хамиаб область на Амударье, по соседству с Кушкой.

Окончательные протоколы были подписаны в 1887 году. Соглашение было подкреплено прямым заявлением британского правительства о том, что любое продвижение русских к Герату будет рассматриваться как *casus belli*. Де Гирс признал официально, что Афганистан входит в сферу британского влияния.

29 августа (10 сентября) 1885: англо-русский договор, определяющий линию афганской границы.

18 (31) августа 1907: англо-русский договор о зонах влияния в Азии (в том числе в Афганистане), позволяющий создать блок «Тройственное согласие» (Франция, Англия и Россия).